

**ДМИТРИЙ
БЫКОВ ИКС**

**ДМИТРИЙ
БЫКОВ ИКС**
роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Художник — *Елизавета Корсакова*

Редактор серии — *Вероника Дмитриева*

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Икс : роман / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 248, [8] с. — (Проза Дмитрия Быкова).

ISBN 978-5-17-137737-3

Главный герой романа «Икс» — выдающийся писатель Шелестов, прототипом которого стал Михаил Шолохов. Сам ли он написал свою главную книгу? Или украл и переработал чужой текст, как подозревали завистливые собратья по цеху? Быков выдвигает собственную гипотезу, не подтверждающую и не опровергающую ни одну из существующих точек зрения. Он не рассказывает, как было или как есть, а отыскивает в цепочке событий скрытые от поверхностного взгляда смыслы и закономерности.

«Икс» — первая книга «И-трилогии» Дмитрия Быкова, в которую также вошли романы «Июнь» и «Истребитель».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137737-3

© Быков Д.Л.
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	9
15 апреля 1927, МОСКВА	11
12 октября 1925, РОСТОВ	17
26 июня 1928, ПАРИЖ	25
15 октября 1928, МОСКВА	37
17 ноября 1928, ЛЕНИНГРАД	57
30 ноября 1928, ЛЕНИНГРАД	63
7 декабря 1928, МОСКВА	72
15 декабря 1928, ЛЕНИНГРАД	77
17 июня 1913, ПЕТЕРБУРГ	82
16 июля 1929, ГАТЧИНА	95
15 августа 1929, МОСКВА	105
17 апреля 1930, МОСКВА	111
20 июля 1930, ПОДМОСКОВЬЕ	118
23 июля 1930, МОСКВА	134
30 июля 1913, ПЕТЕРБУРГ	142

10 февраля 1932, ЛЕНИНГРАД	148
5 мая 1933, КАПОЭР	168
16 августа 1935, СТАНИЦА ЗЕЛЕНСКАЯ	178
19 октября 1937, КИСЛОВОДСК	187
15 апреля 1938, ЛЕНИНГРАД	197
14 июня 1939, МОСКВА	204
15 сентября 1940, ТУЛА	219
20 июля 1956, ЛОНДОН	229
27 мая 1965, МОСКВА	233
15 октября 1925, СТАНИЦА ЗЕЛЕНСКАЯ	242
17 февраля 1942, ЛЕНИНГРАД	247

Любой многочлен степени n
над полем комплексных чисел
имеет в нем ровно n корней.

Основная теорема алгебры

ОТ АВТОРА

Это повесть не о тайне авторства «Тихого Дона», но о тайне авторства как такового.

Стартовая ситуация — молодой донской журналист получает по почте увесистый пакет с чужой рукописью — вдохновляла многих. Объяснения предлагались самые невероятные: якобы автором был гениально одаренный тесть Шолохова, который не мог печататься под собственным именем; или — убитый офицер, чью рукопись впоследствии опознали в советском романе многочисленные однополчане погибшего. Андрей Лазарчук и Михаил Успенский предложили свою версию: заставили престарелого Шолохова — автора огромной непубликабельной эпопеи — отправить ее через портал времен себе же молодому, в двадцатые, когда у такого романа еще был шанс... Было бы нечестно отвергать сходство Шелестова с Шолоховым, но история таинственного советского романа — лишь частный случай другой, куда более древней проблемы, занимающей автора вот уже многие годы.

Дмитрий Быков

15 АПРЕЛЯ 1927, МОСКВА

— Приходите к шести, — сказала молодому прозаику Шелестову редакторша «Земли и фабрики» Лидия Муразова. — Все разойдутся, спокойно поработаем.

Шелестов заподозрил бы соблазнение, если бы круглую, крепкую, соломенную его голову могла посетить мысль о домогательствах со стороны Муразовой. Муразову можно было представить за каким угодно занятием, но с мужчиной — никогда. Сухая жердь, красное обветренное лицо, губы в нитку. Рассказывали о ее комиссарском прошлом.

Домогательств Шелестов не опасался, а вот что вторгнется в первый том — это запросто. Федор Буткин в пивном подвале напротив «ЗиФа» рассказывал, что она из его «Чернозема» железной рукой вычисти-

ла все родные воронежские словечки — *буторный, заматишный, пыжный*. «Ну ты ж подумай! — кричал Бутыкин и бил вялым кулаком по мокрому деревянному столу. — Пыжный! Скажи «пыжный» — и ты, ютить, видишь сугроб, жаркий, жирный, как, эт-сам, напыженный! Скажи «пышный» — и что ты видишь? Ты видишь тьфу!» В жизни Бутыкин, правду сказать, выражался нецветисто, все больше матерно — никто б не угадал в нем автора «Чернозема», который, гутарили, и в Воронеже мало кто понял. «Эт-сам» через слово, и вся черноземность.

Для самоуверенности, чтобы не уступить ни слова из романа, Шелестов постоял немного в той самой пивной — сидячих мест не было, не баре, — выпил кружечку, заел бледным, морщинистым моченым горохом, послушал разговоры. Был мягкий вечерний час, по Никитской глухо докали копыта — весна случилась поздняя, в середине апреля по мостовым еще лежала снежная слякоть, — и Шелестов думал, что гостью из будущего, забреди он научным чудом в апрель двадцать седьмого, интересней всего будут не тресты, не концессии, не англо-русский комитет, даже и не Чан Кайши в Шанхае, а пивной треп за соседним столиком, Люська, которая легла на вычистку, Трункевич, который ездил к родне в Тамбов и видел трактор, Коля, который отравился килькой. «Лютая бредомуть! — говорил бесцветный узколицый комсомолец про похождения путешественника Бьёрнсена, только что прочитанные. — Лютая!» И Шелестов думал, что непременно впишет это во второй том. Дело

у него шло, он был настроен хоть и твердо, но благобно, как всякий человек, у которого ладилось задуманное. Никогда еще не работалось ему так бодро и ясно, и поздняя весна казалась подспорьем — он сам словно переживал позднюю весну, и никакая Муразова не могла ему помешать.

Муразова одна ждала его в кабинете, где днем было не продохнуть от папиросного дыма и где три литработницы «ЗиФа» соревновались в бесплодном, ядовитом пересмеивании авторских ляпсусов.

— Я, собственно, — сказала она, как всегда, без предисловий, — хотела проработать с вами одну главу, часть вторая, где ваш этот Стельнецкий в Петербурге знакомится с Софьей, вот этой, Балановой.

У Муразовой была неприятная манера вставлять «*этот ваш*», «*вот эта*» — словно в действительности ничего такого быть не могло, а только в шелестовских «Порогах».

— Баланова — лицо историческое, — предупредил Шелестов, чтобы снять вопросы заранее.

— Это неважно, — отмахнулась Муразова. — Я о другом. Вот эта сцена в «Харчевне трубадуров», где Баланова у вас танцует на столе. Я не знаю, зачем это. Я бы сняла.

— Это не ко мне, — начал было Шелестов, но быстро прикусил язык.

— В каком смысле? — насторожилась Муразова.

— В таком, — ответил он уже зло, — что это так было, то есть бывало, и нечего теперь приукрашивать...

— Вы откуда это знаете? Вы бывали в «Приюте»?

— Я в «Приюте» бывать не мог, — ответил Шелестов, все более раздражаясь, — мне было тогда, сами понимаете, пятнадцать, и я, сами понимаете, пахал. Но вы не станете же отрицать, что тогдашняя вся эта богема вела, так сказать, образ жизни...

— Богема, может быть, и вела, — сказала Муразова неожиданно мягко. — Но в «Приюте» никогда не собиралась богема. Это же не «Клюква», в конце концов. Там бывали Евреинов, Сухоногов, Барский. Там никто не танцевал на столе.

— Слушайте, какая разница, — сказал Шелестов, — у нас, у меня то есть, не учебник истории, могу, если вы так настаиваете, кабак переименовать. Пусть будет «Танцующие на столе».

— Ну отчего же. — Она заглянула в рукопись. — С этим все как раз правильно — Малая Морская, подвал, дерево это райское... с конфетами... Прямо вы как будто бывали. И тем оскорбительней, понимаете... Зачем же переименовывать? Это деталь, сообщает достоверность. Но просто не надо смешивать, верно?

— Да это не так все важно, — с досадой сказал Шелестов, — там, понимаете, это один эпизод. И сам Стрельнецкий, собственно... только чтобы видеть разложение...

— Но из этого и складывается! — с неожиданной комиссарской горячностью возразила Муразова. — Из этого и может соткаться общая неправда! Вот смотрите: у вас дальше он знакомится с Балановой и приглашает ее на острова. Никакая, понимаете вы, ника-

кая уважающая себя женщина тогда... поэтесса тем более... не поехала бы вот так, со второй встречи, с мужчиной на острова! Тем более к Волынцеву. Это был ресторан с определенной славой.

— Ну Баланова и женщина была с определенной славой! — не сдавался Шелестов. — Вы же знать должны, все это мутное вино и все прочее...

— Я не защищаю Баланову, — вспылила Муразова и тут же осеклась. — Это чуждое искусство и упадок. Но одно дело искусство, а другое — ехать на острова. Тем более она тут у вас говорит: «...у вас пахнет изо рта, вам надо полоскать рот». Какая женщина так могла сказать мужчине? Есть вещи, которых вслух не говорят.

— Ну так мне и важно, — рубил Шелестов, — что она такая, что при своей нечистоте она заботится об чужой чистоте...

— Про нечистоту отдельно. Вот смотрите, она у вас с Блоком едет в Стрельну. Неважно, что Блок никогда не ездил в Стрельну, но Баланова никогда не ездила с Блоком!

Это Муразова выговорила с неожиданной страдальческой силой, словно жалея, что Баланова так никогда и не съездила с Блоком в Стрельну. Вообще разговор шел не так, как предполагал Шелестов. Муразова цеплялась вовсе не к судьбе Панкрата и не к истории ярыгинского рода, и даже сомнительная сцена в стогу ее, кажись, устраивала; но вот Баланова... «Ведьма, сушая ведьма! — думал Шелестов, поневоле опуская глаза, когда она вдруг взглядывала на него исподлобья. Не позавидую я тому, над кем она комиссарила».